

Сказка как художественное выражение народного менталитета

Т. А. Ложкова

Екатеринбург, Россия

В. Н. Осипов

Ижевск, Россия

Аннотация. В статье предпринят опыт сопоставительного анализа близких по сюжетной основе произведений «О рыбаке и его жене» бр. Гримм, «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и сказочной поэмы удмуртского писателя Кузубая Герда «Медведи» (т. н. «бродячий сюжет»). Такой анализ, по мнению авторов, дает возможность убедительно показать учащимся, что занимательная форма сказки является особым способом художественного воплощения и выражения мировоззрения, мировосприятия, которое характерно для представителей той или иной национальной общности и определяет специфику их поведенческой практики, способов реагирования на феномены окружающей действительности (менталитета). Тем самым изучение сказки способствует духовному развитию личности учащихся через осознание заложенного в ней культурного и аксиологического кода нации.

Ключевые слова: менталитет, народ, нация, сказка, сознание, выбор, архетип.

T. A. LOZHKOVA, V. N. OSIPOV. *The tale as a reflection of the mentality of the people*

Abstract. In this paper a comparative analysis undertaken of experience of similar works based on the story «The Fisherman and His Wife» Bro. Grimm, «The Tale of the Fisherman and the Fish» Pushkin's poems and fairy Udmurt writer Kuzebai Gerda «Bears» (Vol. N. «Vagrant story»). Such an analysis, according to the authors, makes it possible to convincingly show the students that entertaining form of fairy tales is a special way of artistic expression and expression outlook, worldview, which is characteristic of the representatives of a national community and determines the specificity of their behavioral practices, ways to deal with the phenomena of reality (mentality). Thus, the study of fairy tales promotes spiritual development of the individual students through awareness inherent in her cultural and axiological code of the nation.

Keywords: mentality, people, nation, fairy tale, consciousness, choice, archetype.

В школьном курсе литературного образования сказке отводится не так уж много времени. В процессе ее изучения у детей нередко формируется представление о ней как о сугубо развлекательном жанре, что обусловлено некоторыми существенными особенностями жанровой природы народной, фольклорной сказки. А. И. Никифоров, один из крупнейших отечественных фольклористов, давая определение сказке, считает необходимым акцентировать целеустановку на развлекательность в качестве существенного жанрового признака: «Сказки — это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [Никифоров 2008: 20]. В то же время фольклористы единодушны в восприятии сказки как жанра, ориентированного на художественное выражение весьма существенных сторон социального и исторического бытия народа: «Ирреальность, фантастичность сказки не только не исключает ее обусловленности действительностью, но и не противоречит ее обращенности к действительности, ее стремлению воздействовать на нее. Отсюда постоянное морализирование сказки, ее воспитательные функции, ее пропаганда добра, справедливости, правды» [Померанцева 1985: 8]. Воспитательному значению сказки традиционно уделяется большое внимание [см., напр.: Аникин 1984]. Однако вопрос о формах, в которых сказка осуществляет свое воспитательное воздействие на сознание слушателей, весьма непрост, на что справедливо указывает В. Я. Пропп: «Что она (сказка — Т. Л.; В. О.)

имеет воспитательное значение — это несомненно, что она создается с целью воспитания — это определенно неверно. Развлекательный характер несколько не противоречит глубокой идейности сказки» [Пропп 2005: 22–23]. Наконец, сказка глубоко укоренена в ментальных сферах традиционной народной культуры: «Коллективные представления, „ментальности“, свойственные носителям культуры, не могут не проявляться в текстах, ими создаваемых, причем в текстах самых разных, вне зависимости от их прагматики» [Адоньева 2000: 14]

Очевидно, что перед школьным учителем стоит сложная задача: постепенно подвести учащихся к пониманию того, что развлекательная, занимательная форма сказки оказывается особым, довольно сложным в художественном отношении, способом воплощения и выражения народного мировоззрения, народных идеалов [Мелетинский 2005: 6]. Вторая задача, тесно связанная с первой — способствовать духовному развитию личности учащихся через осознание культурного и аксиологического кода нации, ее менталитета, понимаемого нами как предрасположенность нации к определенному типу мышления и действию [Осипов 2007: 170–173]. Захватывая бессознательное, менталитет выражает жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные данному сообществу и культурной традиции [Вальцев 2004: 179]. Сказка как одна из древних форм передачи информации не только несет в себе педагогическую функцию, но и раскрывает ментальную основу сознания и, следовательно, определяет тип поведения индивида в той или иной жизненной ситуации, предопределенный национальной принадлежностью.

Наиболее плодотворными в интересующем нас аспекте оказываются сказки с так называемым «бродячими сюжетами», которые в силу разных обстоятельств попадают в культурное поле различных народов. Каждый народ рассказывает их, исходя из собственного опыта проживания события, сказываемого в сказке. Как отмечал Г. Гачев, «глубокое спокойное исследование только раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры другого народа» [Гачев 1995: 480].

Профессиональные писатели, обращаясь к таким сюжетам и переводя их в статус литературных произведений, ориентированных на художественное выражение авторской позиции, тем не менее,

учитывают специфику воплощенной в них национальной ментальности, а порой и обогащают ее дополнительными акцентами и аспектами, которые открываются в процессе работы над ними в результате индивидуального творческого прозрения. Анализ авторских произведений в интересующем нас аспекте дает большие возможности для решения сформулированных выше задач.

В качестве материала для анализа мы выбрали сюжет «О рыбаке и его жене», впервые опубликованный братьями Гримм, «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и сказочную поэму удмуртского писателя Кузубая Герда (К. П. Чайникова) «Медведи» («Гондырьёс»).

Такое сопоставление представляется нам правомерным по следующим причинам.

Прежде всего, следует напомнить, что сказки, собранные братьями Гримм, издавались на протяжении XIX века неоднократно и каждый раз во все более и более существенной литературной обработке. Желающих познакомиться с подробной историей издания мы отсылаем к работе А. Науменко «Второе открытие гриммовских сказок» [Я. Гримм, В. Гримм 1988: 9–95]. Очевидно, наиболее аутентичными можно считать тексты, вошедшие в первое издание «Детских и домашних сказок» (1812). В соответствии с методологическими установками мифологической школы (Якоб Гримм, автор знаменитой «Немецкой мифологии», одним из первых в Европе сформулировал ее основные принципы) создатели сборника стремились собрать и издать наибольшее количество вариантов европейских сюжетов, что и было поставлено им в заслугу Иоганнесом Больте и Иржи Поливкой, создателями трехтомных «Примечаний к сказкам братьев Гримм» [см. подробно: Пропп 2005: 506]. Таким образом, в сборники братьев Гримм вошло большое количество «бродячих сюжетов», близких различным национальным культурам. Наконец, братья Гримм, при бережном отношении к фольклорным первоисточникам, тем не менее, были сосредоточены на поисках и реконструкции наиболее «правильных» вариантов сказочных сюжетов, что и обусловило возможность фактически авторской литературной обработки записанных текстов. Таким образом, мы получаем право рассматривать сказки братьев Гримм, особенно варианты, представленные в поздних изданиях сборника (а именно их, как правило, и читают дети сегодня), в контексте литературного сказочного массива.

Сопоставление гриммовской сказки «О рыбаке и его жене» со сказкой А. С. Пушкина оказывается

тем более правомерным, что именно данный сюжет указывается отечественными фольклористами в качестве основного источника «Сказки о рыбаке и рыбке». Подробно вопрос об источнике сюжета пушкинской сказки рассмотрен М. К. Азадовским, утверждающим, что среди известных русских сказок нет вполне соответствующей пушкинскому тексту: «По указателю Ааге — Андреева этот сюжет зарегистрирован 6 раз: в сборнике Афанасьева и в сборнике Смирнова. Кроме того, сказка на этот сюжет записана в 60-х годах М. Семевским в Псковской губ. (в указателе Андреева не отмечено). Из этих текстов только сказка, приведенная в сборнике Афанасьева под № 39, дает ту же схему, что и Пушкин <...> если допустить, что данная сказка является источником Пушкина, то придется вместе с тем допустить, что Пушкин совершенно рабски следовал своему источнику. Такое предположение было бы, конечно, явно ошибочным, и во всяком случае этому противоречит все, что мы знаем о характере творческой работы Пушкина. Более правильно, поэтому, другое предположение, в свое время высказанное В. Майковым, что в этой сказке мы имеем обратное явление: пересказ сказки Пушкина» [Азадовский 1936: 137–138]. Обратившись к остальным текстам, исследователь приходит к выводу о том, что все они существенно отличаются от пушкинского произведения: «Типичным примером может служить сказка того же афанасьевского сборника, озаглавленная „Жадная старуха“ (№ 40). Старик рубит в лесу дерево; дерево просит пощадить его, обещая исполнить любое желание. Старик просит богатства. Затем старуха посылает старика с требованием к дереву сделать его бурмистром. Далее старик и старуха делают последовательно: дворянами, полковником и полковничихой, генералом и генеральшей и, наконец, царем и царицей. Последнее требование: стать богатыми, но в ответ на последнюю просьбу дерево „зашумело листьями и молвило старику: будь же ты медведем, а жена твоя медведицей. В ту же минуту старик обратился в медведя, а старуха медведицей, и побежали в лес“. Этот тип представлен и во всех остальных записях. Ни в одной из них нет упоминаний ни о золотой рыбке, ни о какой-либо вообще рыбе; в роли последней выступают: чудесное дерево, святой, живущий на дереве, птичка-дрозд, коток-золотой лобок, грош. Превращение в зверей, которым заканчивается приведенная сказка, также обычно для русских вариантов: старик и старуха превращаются в свиней, в быка и свинью и т. д. Притом эти сказки не связаны с какой-либо одной

местностью, но относятся к разным частям страны» [Азадовский 1936: 138]. В результате проведенного анализа М. К. Азадовский приходит к выводу о справедливости распространенного среди специалистов мнения, согласно которому главным источником сюжета пушкинской сказки является текст из сборника братьев Grimm. Таким образом, сопоставительный анализ двух произведений в интересующем нас аспекте представляется вполне обоснованным.

С другой стороны, столь же правомочен и сопоставительный анализ текстов немецких и русского авторов с поэтической сказкой Кузубая Герда. Об особой близости творческой индивидуальности Пушкина и Герда неоднократно говорилось в отечественном литературоведении [см., напр.: Зуева-Измайлова А. С.]. Сказка «Медведи», по мнению исследователей, создана не только на основе удмуртской фольклорной традиции, но и по мотивам пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Однако, в свете разысканий М. К. Азадовского вопрос об источниках сюжета «Медведи» оказывается, на наш взгляд, более сложным. Будучи большим знатоком удмуртского фольклора, Герд, скорее всего, интересовался и русским. Во всяком случае, текст сказки № 40 о жадной старухе из сборника Афанасьева обнаруживает много переключек с сюжетом «Медведи». Был ли он известен Герду? Или писатель опирался на аутентичные удмуртские источники, оказавшиеся близкими русским? Является ли такая близость типологической или мы имеем дело с «бродячим сюжетом», воспринятым, например, русскими в процессе культурных контактов с удмуртами (или наоборот)? Предоставив специалистам в области русского и удмуртского фольклора решение данного вопроса, мы, в рамках данной публикации, ограничимся лишь констатацией факта явной близости между сюжетами братьев Grimm, Пушкина и Герда. Таким образом, мы получаем богатый материал, позволяющий в ходе сопоставительного анализа выявить специфические особенности смыслового и поэтического плана, связанные с позицией авторов — носителей различной ментальности.

Прежде всего, обратим внимание на пространственные координаты сказочных сюжетов. Умнонастроение персонажей и мотивы их поступков во многом обусловлены географической средой, в которой они проживают: горек имеет иные жизненные ориентиры, чем мореход или степняк-кочевник. Горы, море, степь, лес предрасполагают к особому рода построениям в мировоззрении и

даже в логике [Гачев 1995: 2].

Во всех трех сказках мы узнаем о месте расположения жилища героев. В сказке братьев Grimm они живут «у самого моря», у А. С. Пушкина «у самого синего моря» и у Куздебая Герда:

Не в лесу, не на опушке,
а в удмуртской деревушке,
как пойдешь, так напрямик,
жил да был один старик.

Географическое положение жилища и место обитания может многое сказать нам о характере героев. Человек, живущий на берегу моря, постоянно сталкивается натиском природной стихии, вынужден ей противостоять. Род занятий, определенный в сказках, — рыболовство у братьев Grimm и А. С. Пушкина, — также говорит о силе духа человека, каждый день выходящего в море с опасностью для жизни. Постоянное пребывание у моря формирует, с одной стороны, такие черты характера, как эмоциональную устойчивость, уравновешенность и внутреннюю уверенность в себе, а с другой стороны — умение обходиться тем, что посылает ему природа, склонность к философской созерцательности, не лишенной творческого начала.

В сказке Куздебая Герда герои живут в условиях уединенной «деревушки», окруженной глухими лесами, не только в отдалении от других деревень и поселений, но и в отчуждении от соседей. В данном случае контакт с природой носит иной характер — не ежедневная борьба, соперничество, но гармония, единение, соподчинение.

По возрасту герои сказок А. С. Пушкина и Куздебая Герда близки, это уже не молодые люди, но старики, прожившие достаточно долгую жизнь и имеющие богатый жизненный опыт. В сказке братьев Grimm возраст героев не оговорен особо, внимание сосредоточено не на психологическом, но на событийном аспекте сюжета: важно лишь то, что происходит с героями.

Социальные условия жизни героев во всех рассматриваемых сказках сходны, все они живут в крайней нищете: «Рыбак с женою жили в дрянной лачужке» (братья Grimm); «Жили они в ветхой землянке» (А. С. Пушкин); у К. Герда «... амбар гнилой, пустой хлеб и дом кривой, в хлеву нет ни черта, а в амбаре пустота». Аскетический образ жизни поначалу устраивает героев, они свободны от бремени богатства и живут по принципу «что Бог подаст». В немецкой сказке «рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он

однажды за ужином и все смотрел на блестящие волны — сидел да посиживал». В сказке «О рыбаке и рыбке» делается акцент на деятельности рыбака и на занятиях старухи: «Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу». В сказке «Медведи», по словам старухи, старик занимался «ловлей мух», то есть ленился:

Хватит, старый, мух ловить,
дров сходил бы нарубить.

Мужским персонажам всех сказок присуще состояние «природного человека», они наслаждаются не событиями, происходящими в жизни и мире, и не вещами, а бытием как таковым, космическим течением времени.

Сюжет сказок завязывается в тот момент, когда с героями происходит некое чудо, позволяющее раскрыть характер взаимоотношений между супругами. Представители мужского пола во всех трех сказках изначально являются источником информации, они первыми сталкиваются с чудом и поступают в соответствии с национальным менталитетом. Герой немецкой сказки ведёт себя довольно сдержанно, без особых эмоций. Поймал камбалу, а та заговорила человеческим голосом — произошло чудо, тем не менее, рыбак в ответ на просьбу камбалы отвечает: «...Напрасно ты и столько слов потратила; я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбину, которая по-нашему говорить может». И с этими словами он отпустил рыбину в воду». Представитель русского народа более эмоционален, импульсивен, его реакция на чудо более открыто выражена, психологически насыщена:

Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово»
(курсив наш — Т. Л.; В. О.).

Эмоциями наполнены и действия героя удмуртской сказки:

*Вздрыгнув, дед топор роняет
И знаменье сотворяет,
В страхе молвит:
Чур меня!
До сегодняшнего дня
Не слыхал такого сроду...
Подхватил топор — и ходу.
Без лучины и без дров
Чешет к дому — будь здоров»
(курсив наш — Т. Л.; В. О.).*

Чудесные персонажи (камбала, золотая рыбка, липа) обращаются к своим спасителям с просьбами, в которых отражается специфическое понимание природы человеческих взаимоотношений. Камбала ничего не обещает рыбаку, только предупреждает, что она не настоящая камбала, а завоженный принц, то есть сразу устанавливает иерархию между собой и рыбаком, и тот отпускает её в море; липа и золотая рыбка за подаренную волю обещают выполнить любые желания, то есть вступают в торговые, по сути, партнерские отношения: за добро плачу добром, или око за око, зуб за зуб.

Последующие действия героев однотипны: они приходят к женам и рассказывают о виденных и слышанных чудесах. Психологический тип мужчины в данных сказках имеет одну особенность, а именно, открытость, доходящую до наивности. Прожив со своими женами достаточно долгую жизнь («до старости» в русской и удмуртской сказках), они простодушно рассказывают о том, как упустили возможность стать богатыми, явно не ожидая последовавшей реакции. Женщины реагируют на рассказанные истории вроде бы одинаково: все три недовольны поведением мужа. Однако немецкая героиня озабочена поиском аргументов, которые помогли бы заставить мужа вернуться к чудесной камбале. В качестве таковых она подробно перечисляет тяготы бедной жизни, ее речь выстроена вполне логично, рассуждения рациональны: «Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил? <...> Ах, — сказала жена, — да ведь нам же так скверно живется в этой лачужке, и вони, и грязи у нас вдоволь; выпросил бы нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови её из моря; скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она, наверно, даст нам ее» («О рыбаке и его жене»). Героиня скорее размышляет: а что, если сходить и попросить? Может быть, если рассказать, все, что она сейчас надумала, чудесная рыба поможет?

В пушкинской сказке старуха выплескивает на мужа раздражение, она оценивает не только его поведение в конкретной ситуации, но дает уничижительную характеристику его человеческим качествам, она не уважает мужа, брань, по-видимому, является привычной формой ее общения с ним:

Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось».

В удмуртской сказке старуха олицетворяет богиню

удмуртского пантеона божеств Гудыри-мумы — богиню грома и молнии, которая характеризуется суровым характером. Интересен тот факт, что в пантеонах богов других народов за гром и молнию, как правило, отвечают боги-мужчины, например, Зевс у древних греков или Перун у славян. Характер удмуртских женщин, по всей видимости, был воплощен в образе именно этой богини:

Говорит ему старуха:
Ты, чурбан, гнилое брюхо,
Голова — пестерь худой,
Сгинь ты с глаз моих долой!
Что за дурень мне достался?
Ишь ты брешет — напугался...
Нет... Меня ты не серди —
К чудо-липе в лес иди,
Попроси у ней, дубина,
Хоть полено для лучины... («Медведи»).

Как видим, героиня не ограничивается уничижительными оценками своего супруга, но и угрожает ему, приказывает. В семейных отношениях она явно доминирует

Героям всех трех сказок придется пройти испытание: мужьям — на терпение, женам — на устойчивость к искушению. До встречи с чудом они жили в семейной идиллии. Теперь им приходится делать выбор, действовать, что они и делают в соответствии с особенностями народного сознания. Золотая рыбка, липа и камбала определяют уровень притязаний человека и сами решают необходимость исполнения того или иного желания.

Образы представителей чудесного мира явно несут на себе печать национального мышления. В пушкинской сказке в качестве волшебного дарителя (по В. Я. Проппу) выступает золотая рыбка. Эпитет «золотой» в русском сознании обладает богатым ассоциативным содержанием. С ним связано все лучшее в представлении человека: «золотое сердце», «золотые руки». Золото — это и символ высшей силы, княжеской, царской власти. Как помним, попав в плен, князь Игорь «пересел из седла златого в седло кощеево» («Слово о полку Игореве»). Тем самым сказка намекает на высокий статус чудесного существа, оказывающего просителю немалую милость, терпеливо выполняя его растущие желания. Да и сам образ чудесной рыбки глубоко фольклорен: как помним, в некоторых вариантах былины о Садко, герой, с помощью морского царя, на спор ловит прекрасную «рыбку-золоты перья». Образ рыбки в пушкинской сказке воспринимается не только как воплощение

высшей чудесной силы, но и эстетически, вызывая почти благоговейное восхищение.

Немецкое восприятие чудесного персонажа более приближено к реальности и более прагматично: поймать волшебную камбалу трудно, но на то есть немецкая выдержка; за все в этом мире надо платить, поэтому камбала уплывает в море, заплатив кровью: «и пошла камбала на дно, оставляя следом по себе в воде кровавую струйку».

В сознании удмурта сильны элементы анимизма, в нем присутствует понимание того, что у каждого существа, в том числе и дерева, есть душа. Для народа, живущего в лесу и целиком обязанного своим благополучием лесу совершенно естественно, что носителем и дарителем чуда является липа, дерево. Осознание взаимосвязи человека и природы, проявилось, таким образом, не только в традиционном очеловечивании природы, но и в утверждении природной основы самого человека, в утверждении органичного, хотя и противоречивого единства человека с ней. [Кириллова 2006: 21].

Характерной особенностью для немецкой и русской сказок является преобразование желаний из количественного состояния в качественное. Притязания героини меняются от приобретения вещей (корыто, изба) к приобретению социального статус-

са, что делает неактуальными, излишними вещественные желания. Власть, которую они получают, позволяет пользоваться всеми сопутствующими благами, что воспринимается героинями как естественный ход вещей.

Мы попытались представить поведение и образ мыслей персонажей можно в виде таблицы, в которой определены ключевые моменты сказок. К ним относятся: род занятий персонажа, социальный статус, предел желаемого, исполнение желаний.

В рассматриваемых сказках показан уровень притязаний человека, граница его фантазии, так называемый идеал счастья (см. таблицу).

Все, что может позволить себе человек, определено в его желаниях. Попутно заметим, что старуха в «Сказке о рыбаке и рыбке» в силу её русского менталитета не довольствуется властью как таковой, ей необходимо уйти в «несбыточные дали» («Чтобы жить мне в Окияне-море»), она мечтает стать «владычицей морскою», то есть волшебным существом, смысл собственного бытия для нее заключается в следующем:

...Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках.

Таким образом, она, по сути, желает через посредство чудесной рыбки самой творить чудеса, преоб-

Герои	А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»	Кузубай Герд «Медведи»
Жена	<p>Род занятий: прядёт пряжу</p> <p>Социальный статус до чуда: крестьянка</p> <p>Желания:</p> <p>1. Вещь:</p> <p>1) корыто;</p> <p>2) изба</p> <p>2. Социальный статус после чуда:</p> <p>1) столбовая дворянка;</p> <p>2) вольная царица</p> <p>3. Притязания: владычица морская</p>	<p>Род занятий: не обозначен</p> <p>Социальный статус до чуда: не обозначен</p> <p>Желания:</p> <p>1. Вещь:</p> <p>1) лучина;</p> <p>2) хлеб, Осоль, мёд, жир;</p> <p>3) пятистенный дом над прудом;</p> <p>4) золото</p> <p>2. Социальный статус после чуда: нет запроса</p> <p>3. Притязания:</p> <p>«Пусть отныне <i>все боятся</i> / С нами даже повстречаться»</p>
Муж	<p>Род занятий: рыбак</p> <p>Социальный статус: не обозначен</p> <p>Желание:</p> <p>1. Покой.</p> <p>2. Социальный статус после чуда: не обозначен.</p> <p>3. Притязания: скрыться от старухи.</p>	<p>Род занятий: «ловля мух»</p> <p>Социальный статус до чуда: не обозначен</p> <p>Желания:</p> <p>1. Вещь:</p> <p>1) лучина;</p> <p>2) еда;</p> <p>3) пятистенный дом над прудом;</p> <p>4) два сундука золота</p> <p>2. Социальный статус после чуда: нет запроса</p> <p>3. Притязания:</p> <p>«Пусть отныне <i>все боятся</i> С нами даже повстречаться»</p>
Исполнитель желания	Золотая рыбка	Липа – листья с переливом.

Соответствие исполнения желанию	<p>1. Вещь: 1) новое корыто; 2) изба со светелкой, / с кирпичною, беленою трубою</p> <p>2. Социальный статус: 1) «Высокий терем. / На крыльце стоит его старуха / В дорогой собольей душегрейке, / Парчевая на маковке кичка, / Жемчугиогрузили шею, / на руках золотые перстни, / На ногах красные сапожки. Перед нею усердные слуги; / Она бьёт их, / за чупрун таскает» 2) «...перед ним царские палаты. / В палатах видит свою старуху, / За столом сидит она царицей, / Служат ей бояре да дворяне, / Наливают ей заморские вина; / Заедает она пряником печатным; / Вкруг её стоит грозная стража, / На плечах топорики держат»</p> <p>3. Притязания: <i>владычица морская</i> «...опять перед ним землянка; / На пороге сидит его старуха, / А пред нею разбитое корыто»</p>	<p>1. Вещь: 1) Дров – невпроворот; 2) «...зерно до потолка, / а в бочонках мед, мука»; 3) «Вот это – дом! / Пятистенный! Над прудом! / Ярко стеклами сверкает, / Ппозолотою сияет. Словно радуга – конек. / Серебристый водосток» 4) «Вот – богатство! / Вот – почет! / Золото рекой течет!»</p> <p>2. Социальный статус: отсутствует.</p> <p>3. Притязания: <i>«Пусть отныне все боятся С нами даже повстречаться»</i> «Завопила, зарычала / И – медведицею стала! / Дед, как листик, задрожал, / Тоже дико закричал, / Заревел – и стал медведем...»</p>
---------------------------------	--	---

разовывать мир по своему усмотрению.

Героиня немецкой сказки жаждет именно власти. При этом ей не достаточно власти государственной (кайзер), духовной (папа), ей необходима абсолютная власть над вселенной: «А, — подумала она, — да разве же я не могу тоже повелевать и солнцу, и луне, чтобы они восходили?». «Муж, а муж! — сказала она и толкнула его локтем под ребра. — Проснись! Ступай опять к рыбине и скажи, что я хочу быть самим Богом!». Таким образом, немецкая героиня желает единолично управлять вселенной.

В сказке «Медведи» герои остаются в пределах показателей материального благополучия и не стремятся вырваться за границы своего замкнутого лесным пространством бытия. Характерно, что обретение желаемого не дает психологического равновесия: получив сундуки с золотом, старик и старуха не предаются радости и веселью, а сами на себя нагоняют страх:

Шепчет бабка... Шепчет дед...
Вот богатство счелу нет!
Надо спрятать... Надо скрыть...
Схоронить его... Зарыть...
На громадные замки
Запирают в сундуки...
И — в подвал его — под сор
И — ворота на запор...
...День проходит. Два проходит
Стариков тоска изводит:
Воры лютые придут,
Все запоры отпрут
Все разрушат, разломают,
Все кругом перекопают,

Деда с бабкою убьют,
Золотишко заберут...

Как видим, исполнение желаний разрушает изначальную гармонию бытия героев, тем самым лишая их жизнь подлинности.

Обратим внимание и на характер отношений между дарителями и персонажами. В «Сказке о рыбаке и рыбке» старик с глубоким почтением обращается к золотой рыбке, ждет от нее милости, поскольку видит в ней существо высшего порядка. В качестве высшей инстанции она становится для старика не только исполнительницей желания, но и собеседницей, которой можно пожаловаться на собственную жену. Старик ждет сочувствия от рыбки, и получает его:

Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось.
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».

В сказке братьев Гримм рыбак обращается к рыбке более свободно, как к равной, ясно и логично объясняет, что не по своему желанию он беспокоит её:

Рыба, рыбка, рыбка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

Мужья в немецкой и русской сказках своей воли не проявляют: как им приказано, так они и поступают.

Приказы не обсуждаются, а исполняются беспрекословно, сопротивление запрятывается глубоко внутрь.

В сказке «Медведи» муж не только исполняет волю жены, но и проявляет при этом собственный характер по отношению к липе, как существу беззащитному, не способному ответить силой на силу:

Пусть отныне все боятся
С нами даже повстречаться.
А не то тебя я вмиг
Зарублю, — сказал старик.
Он топор, грозя вздымает,
Чудо-липу подрубает.
Ветки липы застонали,
Листья все затрепетали.

Таким образом, если в сказках А. С. Пушкина и братьев Grimm чудесные дарители являются концентрированным воплощением свободы и по собственной воле исполняют просьбы, то в сказке «Медведи» липа находится под постоянной угрозой гибели, которая исходит от старика. Человек пробует подчинить себе окружающую природу, как бы испытывает пределы своей зависимости от нее.

Надо отметить, что в центре внимания сказок стоят отношения супругов между собой до совершения чуда и после того, как супруги получают желаемое. Персонажи действуют в духе национальных традиций. Возможность реализации несбыточной мечты или Судьба проверяет их, может быть, не столько на алчность, сколько на крепость семейных уз. Социальный статус, который получает старуха («Сказка о рыбаке и рыбке»), отдаляет её от мужа, оставшегося в прежнем положении человека «из низов», и старик страдает, прежде всего, от деспотизма власти, разрушающей супружеские отношения:

«На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала»

«Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
„Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле“».

В немецкой сказке жена, получая власть, не отдаляется от супруга, а вместе с ним переживает это состояние: ««Ну-ка, — сказала довольная жена, — разве все это не прекрасно?» — «О да! — сказал рыбак. — На этом мы и остановимся и станем жить в этом чудесном замке; теперь у нас всего

вдоволь». — «А вот посмотрим да подумаем», — сказала жена. С этим они и спать легли».

В сказке Кузубая Герда семейные отношения остаются статичными как до чуда, так и после него: муж и жена действуют в едином порыве мыслей и чувств.

Таким образом, в сказке Пушкина сюжет оказывается в значительной степени насыщен психологически: старик переживает драму утраты близкого человека, пропасть между мужем и женой углубляется по мере увеличения притязаний старухи. При этом герой не обнаруживает стремления присоединиться к ней, разделить с ней радость обладания дарами рыбки. Интересы старухи внутренне глубоко чужды старику, наделенному внутренней мудростью, понимающему тщету и конечную бессмысленность претензий жены.

В связи с данной проблемой следует обратить внимание на разницу в названиях произведений. У братьев Grimm статус главных героев получают муж и жена. Именно они берут на себя роль сюжетообразующих персонажей, их решения определяют логику развития действия. Человек волен выбрать между добром и злом, в силу чего он и ответственен за последствия своего выбора. У Пушкина акцент смещен: главным двигателем сюжета становятся взаимоотношения между стариком и золотой рыбкой. Отсюда глубокий нравственный подтекст сюжета: будучи духовно близким рыбке, фактически, осознанно оставаясь на позициях добра, старик, в силу своей безвольности выполняет роль пассивного орудия в руках жадной жены, и тем самым оказывается главным виновником случившегося. Пассивное добро, не способное отстаивать свою позицию, ответственно за торжество зла. В сказке Кузубая Герда главной силой, поддерживающей мировой порядок, оказывается Природа. Лишь в гармонии с ней человек может обрести подлинное, осмысленное существование. Утратив ее, он утрачивает и свою человеческую сущность.

Единый архетип наказания за жадность и алчность действует во всех трех сказках, но если в немецкой и русской сказках исполнители желаний не выполняют последнюю просьбу просителей и тем самым наказывают их, возвращая к старому состоянию, то в удмуртской сказке последнее желание исполняется, но не так, как представляли его герои. Сказка Герда предупреждает о том, что мысль человеческая имеет чудодейственную силу, может воплощаться в материальное бытие и надо быть осторожным в своих желаниях.

Предложенный нами сопоставительный ана-

лиз не претендует на исчерпывающее осмысление сюжетов, необычайно богатых внутренним нравственным и философским смыслом. Однако, на наш взгляд, совместные с учениками размышления в намеченном нами направлении, могут помочь в процессе постижения законов человеческих взаимоотношений, характеров, ментальных и психологических процессов, благодаря которым народ живет и развивается в окружающем его мире.

ЛИТЕРАТУРА

Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3, М.: ГИХЛ, 1960. — 539 с.

Я. Гримм, В. Гримм. Сказки. Эленбергская рукопись, 1810, с комментариями. Перевод, вступительная статья Александра Науменко. М.: Книга, 1988. — 445 с.

Сказки, собранные братьями Гриммами. СПб.: Алгоритм, 1998. — 356 с.

Кузубай Герд «Гондырьёс» («Медведи») пер. В. Емельянова. Ижевск: «Луч». № 1, 1997.

Адоньева С. Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во С-Петербур-та, 2000. — 181 с.

Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163.

Аникин В. П. Русская народная сказка М.: Худож. лит., 1984. — 176 с.

Зуева-Измайлова А. С. Пушкин и удмуртская литература // URL: <http://refdb.ru/look/2086029.html> (дата обращения: 10.03.2015).

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция., 2005. 240 с.

Померанцева Э. В. Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. — 275 с.

Пропт В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2005. — 384 с.

Вальцев С. В. Социально-психологические особенности национального менталитета (На примере русских и осетин): Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05: М., 2004. — 179 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. — 480 с.

Кириллова Р. В. Мифопоэтика в поэзии Михаила Петрова. Автореферат дис... канд. филол. наук, Ижевск, 2006.

Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. — 376 с.

Осипов В. Н. Ментальный портрет Удмуртии. Материалы международной научно-практической конференции «Продвижение имиджа России». Ижевск, 2007. С. 170–173.

Nietzsches Werke. Bd. 7. — Alfred Kröner Verlag in Leipzig. 1918. Пер. В. Рынкевич // URL: http://loveread.ws/read_book.php (дата обращения: 27.11.2014); <http://vorshud.unatlib.org.ru/index.php> (дата обращения: 27.11.2014).

ДАнные об авторах

Ложкова Татьяна Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Эл. почта: lozhkova@eka-net.ru

Осипов Владимир Николаевич — старший преподаватель кафедры культурологии и филологического образования АОУ ДПО «Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики».

Адрес: 426009, г. Ижевск, ул. Ухтомского, 25

Эл. почта: osipov62@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lozhkova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Literature and Methods of Teaching Department of the Ural State Pedagogical University.

Osipov Vladimir Nikolayevich, a senior lecturer at the culturology and scholarship academic department at the Teachers in service retiring at Udmurt Republic